

Е.В. Кожемяченко (Минск, Беларусь)

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ ОБРАЗНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Одним из традиционных средств создания образно-поэтического представления окружающей действительности является эпитет, который, в силу своей категориальной семантики, способен передавать субъективно-характеризующее, эмоционально-оценочное отношение к изображаемым предметам и явлениям. «Эпитет отличается от обычного определения переносным характером слова, которое его выражает, и наличием в нем эмоциональных, экспрессивных и др. коннотаций», – утверждает И. В. Арнольд [1, с. 89].

В системе эстетической коммуникации, которая предполагает несколько иной эмоционально-психологический контакт между коммуникантами, в наибольшей степени индивидуализированными, определение приобретает еще большую значимость: наличие в концепте признака различных эмоционально-оценочных коннотаций позволяет определению, выступающему в роли эпитета, выражать субъективное отношение к предметам и явлениям окружающей действительности. Стремление показать мир неожиданно, со стороны познающего субъекта, приводит к появлению индивидуально-авторских, редких эпитетов, которые способны вызывать новые ассоциации, выполняя при этом субъективно-характеризующую функцию (частное – единичное).

Можно полагать, что образование редких эпитетов – это реализация потенциальных возможностей языка, поскольку даже системно-языковые атрибутивные сочетания отличаются различной степенью стандартности семантических связей определения с дистрибутом – от максимально стандартных, ориентированных на интенционал значения, или сильновероятный импликационал, до нестандартных, организованных по периферийным, потенциальным семам. Определения с нестандартными связями трансформируются в индивидуально-авторские определения: *глубокий час; свинцовые веки; громкое сердце; бархатная сытость; каторжная страсть; полновесным, благосклонным яблоком своим имперским; черная метель; горделивый златоцвет; дуб гражданский* и т.д.: *Золото твоих волос / Тихо переходит в седость / – Не жалейте! все сбылось, / Все в груди слилось и спелось.// ...Горделивый златоцвет, / роскошью своей не чванствуй: / Молодым седидам бед / Лавр пристал и дуб гражданский* («Золото моих волос»). Окказиональные эпитеты, по мнению Н. В. Гаврош, выделяются «оригинальностью, самобытностью авторского употребления. Они отражают мироощущение поэта, его индивидуальные особенности. Условием возникновения служит «необычность,

нестандартность соединения слов, которые отражают особенность авторских ассоциаций, неповторимость видения мира поэтом слова» [2, с. 6].

Эпитет *горделивый* ассоциируется в сознании с молодостью (жизнерадостной, красивой, гордой, самоуверенной, недоступной, сильной, неопытной, беззаботной и даже глупой). Происходит расширение семантического объема слова благодаря коннотативному приращению значения.

Остановимся еще на одном примере расширения коммуникативного потенциала окказионального эпитета, допускающего вариативность смысловой интерпретации в тексте. Сегмент **дуб гражданский** вне контекста вызывает многообразные ассоциаты антропоцентрической и неантропоцентрической направленности. Прежде всего, это реакции оценочного типа с отрицательной коннотацией: человек – глупый, тупой, ограниченный и положительной коннотацией: мудрый, стойкий, отдающий себя своему делу. Среди ассоциатов неантропоцентрической направленности доминирует соотнесенность с деревом: сильное, вековое, могучее, большое...

Контекст, судя по предложенной смысловой интерпретации лексемы *гражданский*, полностью меняет смысловую и коммуникативную направленность, создавая благотворную почву для такого явления, как коннотация. Исчезает отрицательная коннотативная оценочность, формируется новый смысл на основе переориентации ранее актуализированных смысловых признаков (твердость, прочность, стойкость). Хотя антропоцентрическая направленность смысловых признаков сохраняется, она приобретает иной уровень экспрессивно-оценочной коннотации, связанной с осознанием героем своей гражданственности, ответственности, долга, проявлением твердости в своих убеждениях, а также признанием народа своим уважением, бессмертием. Такое значение мы устанавливаем в результате соотнесения содержания стихотворения с фоновыми знаниями, или вертикальным контекстом.

Пути появления окказионализмов различны. Немаловажным способом образования эпитетов в поэзии оказывается сложение. Наличие образной компрессии и смысловая емкость позволяют сложному эпитету передавать разнообразные оттенки признаков, свойств, качеств, способствуют возникновению дополнительных ассоциаций по сходству функции, взаимосвязанности и т.д. Это приводит к появлению смысловой и эмоциональной напряженности текста, к повышению его коммуникативной и эстетической направленности. Например, *кроваво-серебряный, серебро-кровавый след; серебро-седой плащ; слеполетейский мрак; взлет седобородый; суть двужильная, чужестранная; дуб богоборческий; юность златорунная; желтоглазое отродье; желтоглазая цыганка: Леты слепотекущий всхлип. // Долг твой тебе отпущен: слит / С Летою, – еле-еле жив / В лепете **сребро-текущих ив*** («Земные приметы»).

Данные эпитеты коннотируют признаки бесцветности как отрешения от

жизни, приводят к появлению эмоционально-экспрессивной коннотации: *Укатила в половодье / На три ночи. // Желтоглазое отродье! / Ум сорочий!* («То-то в зеркальце – чуть брезжит»). Окказиональный эпитет в словосочетании *желтоглазое отродье* превращается у Марины Цветаевой в элемент упрека, брошенного необузданным страстям молодой глупой девушки, обманутой и брошенной.

Марине Цветаевой характерны «именные» циклы – отражение ее поэтическим сознанием образов современников – А. Блока, Б. Пастернака и А. Ахматовой, поэзия которых богата щедро рассыпаемыми индивидуально-авторскими определениями: *нежный призрак; рыцарь без укоризны; снежный лебедь; бесстрастный праведник...* (Блок); *златоустая Анна; шальное исчадие ночи белой...* (Ахматова): *О муза плача, прекраснейшая из муз! / О ты, шальное исчадие ночи белой! / Ты черную насылаешь метель на Русь, / И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы* («Ахматовой»).

Авторское определение *шальное исчадие ночи белой* рождает ассоциации, связанные с представлением о демоническом начале творчества, о его иррациональной природе – *исчадие*; стихийность, непостижимость творческого процесса – *шальное*, создают отрицательную коннотацию. Этому отрывку характерно соединение несоединимого, что усиливает, актуализирует эмоционально-экспрессивную оценку. Эпитет *черная метель* коннотирует значения боли и стихии, страдания, происходит соединение света и тьмы. Семантически закономерным был бы эпитет *белая* в сочетании с *метель*. Благодаря контрасту (*ночь белая – черная метель*) поэт усиливает коннотативное значение, связанное с болью, страданиями лирического героя, с муками творчества.

Индивидуально-авторские эпитеты являются той точкой, в которой пересекаются реальное и ирреальное, объективное и субъективное, общее и индивидуальное представление о мире. Эпитет не просто характеризует и оценивает предмет, но и передает субъективное отношение к нему, отражает при этом аксиологические приоритеты личности.

Литература

1. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // Герценовские чтения, XXII. Иностранные языки: Материалы межвуз. конф.: Крат. содерж. докл. / Ленингр. гос. пед. ин-т; Отв. ред. Б. А. Ильиш. – Л., 1970. – С. 87–90.
2. Гаўрош Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы. – Мінск: Выш. шк., 1998. – 603 с.